

Котабо "Переход в Незнание"

Котабо Котабо

Переход в Незнание

<https://litres.ru/74611869>

SelfPub; 2026

Аннотация

Макс — трейдер, одержимый поиском формулы, объясняющей всё: рынок, случай, смерть. Он считает числа, «пи», удары сердца — пока не понимает, что подключился к чему-то, что не имеет названия. После восьми дней затворничества он пишет одно слово: «Отпусти». Так начинается путь в НЕЗНАНИЕ — через сны, Ватикан, Крым, Тибет и Китай.

Это роман-притча о Девяти Неизвестных, о мёртвых, которые не уходят, и о числе, которое сходит с ума. О Гурджиеве, суфиях, даосах, Пушкине и Жаке Моле. О любви, которая ждёт двенадцать лет. О паузе между словами, где живёт Бог.

Книга для тех, кто устал считать. Кто готов отпустить. Кто ищет дом — и находит его в тишине.

Содержание

ЧАСТЬ I. ТЕТРАДЬ	5
Глава 1. Человек, который считал всё	5
Глава 2. Шма	9
Глава 3. Звонок	13
ЧАСТЬ II. ДОРОГА	15
Глава 4. Аэропорт Кеннеди	15
Глава 5. Самолёт	17
Глава 6. И-цзин и майя	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Котабо

Переход в Незнание

Записки о Девяти, о мёртвых,
которые не уходят, и о числе,
которое сходит с ума

ЧАСТЬ I. ТЕТРАДЬ

Глава 1. Человек, который считал всё

Макс родился в Одессе. Но вырос в Бруклине. В доме, где пахло старой бумагой и горьким чаем. Отец — математик. Не гений. Просто хороший математик. Который всю жизнь искал одну формулу. Одну. Ту, которая объяснит всё: рынок, погоду, случай, смерть.

Он умер, не найдя. И оставил сыну тетрадь. В клетку. С уравнениями, которые никто не мог прочесть. Кроме Макса.

Макс был трейдером. Не самым богатым. Не самым известным. Но самым одержимым. Он верил: рынок — это не хаос. Это язык. И если найти код — можно предсказать всё. Он искал закономерности в числе «пи». В последовательностях Фибоначчи. В датах смертей и рождений. Он вёл дневник. Каждый день. Восемь лет.

И однажды ему показалось, что он нашёл. Закономерность. Не в числах. В *паузах*. Между числами. Между вдохами. Между ударами сердца. Он назвал это «точкой перехода». Момент, когда система перестаёт быть собой и становится чем-то другим. Момент, когда знание заканчивается — и начинается НЕЗНАНИЕ.

Он начал торговать по этой системе. Сначала — малень-

кие суммы. Потом — всё. И это работало. Слишком хорошо. Так хорошо, что он испугался. Потому что понял: он не *вычислил* рынок. Он *подключился* к чему-то. К чему-то, что не имеет названия. К тому, что волхвы называют ИСТОЧНИКОМ. А каббалисты — Эйн Соф. А майя — Хунаб Ку.

И тогда начались сны.

Каждую ночь он видел одну и ту же комнату. Белую. Без окон. В центре — монитор. На мониторе — старик. Не тибетский монах. Нет. Старик был похож на его отца. Только глаза — другие. Глаза, которые видели не его, а *сквозь* него. И старик молчал. Всегда молчал. Но Макс знал: он ждёт. Ждёт, когда Макс положит тетрадь. И перестанет считать.

Восемь дней назад Макс перестал выходить из дома. Восемь дней он сидел на полу. Смотрел на стену. На стене — мел. Цифры. Числа «пи». Бесконечные. Бессмысленные.

Сегодня он открыл тетрадь. Не ту, с уравнениями. Другую. Ту, которую вёл тайно. Там были не цифры. Там были слова. Свои страхи. Свою вину. Свою любовь. Свою ненависть. И на последней странице, вчера ночью, он написал одно слово. Не думая. Не решая. Просто рука вывела:

«Отпусти».

Он смотрел на это слово. И чувствовал, как что-то в груди разжимается. Как будто он держал камень много лет. И вдруг разжал пальцы. Камень упал. И стало легко. Так легко, что захотелось плакать.

Он встал. Подошёл к окну. Открыл. Вдохнул воздух

Бруклина — влажный, солёный, живой. И понял: он больше не будет считать. Никогда. Он будет *жить*. Без формул. Без системы. Без гарантий. В НЕЗНАНИИ.

И тогда он услышал. Не звук. Нет. *Тишину*. Но тишину, которая была *полной*. Как будто кто-то выключил шум мира. И в этой тишине — голос. Не его. Не отца. Не старика с монитора. Голос, который он знал всегда, но слышал впервые.

Голос сказал:

«Ты готов. Теперь иди. Тебя ждут. В Риме. В Мехико. В Крыму. И в Москве. Ты найдёшь их. Или они найдут тебя. Но помни: как только ты начнёшь искать — ты уже найдён. Как только ты закроешь тетрадь — ты уже открыт. Как только ты откажешься от знания — ты уже знаешь».

Макс закрыл глаза. И впервые за восемь лет — не стал анализировать. Не стал искать смысл. Он просто стоял. И дышал.

А потом взял телефон. И набрал номер, который не набирал двенадцать лет. Номер своей бывшей жены. Женщины, которую он оставил. Женщины, которая, как он знал, сейчас была в Риме. И которая, как он не знал, уже три года работала в архиве Ватикана.

Она ответила на третий гудок.

— Макс? — сказала она. — Это ты?

Он молчал. Не потому, что не знал, что сказать. А потому, что впервые в жизни не хотел ничего *вычислять*. Он хотел просто *сказать*.

— Я отпустил, — сказал он. — Я больше не считаю. Я еду.
Она помолчала. А потом сказала то, что он не ожидал:

— Слава Богу. Я ждала. Теперь слушай. Здесь, в Ватикане, есть человек. Русский. Он знает о тебе. Он знает о твоём сне. И он знает о Девяти. Приезжай. Но не говори никому. Даже мне — не всё. Потому что как только ты назовёшь их по имени — они назовут тебя. И тогда ты уже не сможешь вернуться.

— А если я не хочу возвращаться? — спросил Макс.

— Тогда ты уже вернулся, — сказала она. — Туда, откуда пришёл. В НЕЗНАНИЕ. В ИСТОЧНИК. Домой.

Она положила трубку. Макс стоял. Смотрел на тетрадь. И улыбался. Впервые за двенадцать лет.

Глава 2. Шма

Отец Макса, Абрам Соломонович, родился в Одессе в 1937 году. В год, когда расстреляли его деда. Он не помнил деда. Но помнил запах. Запах старой бумаги и горького чая. Дед был раввином. Не главным. Просто раввином. И он учил отца — ещё до войны — одной вещи: «Бог не в словах. Бог в паузах между словами. Тора — это не буквы. Тора — это пробелы. Ты должен читать пробелы».

Отец не стал раввином. Он стал математиком. Но всю жизнь искал пробелы. В числах. В уравнениях. В собственной жизни. Он искал формулу, которая объяснила бы всё. Не потому, что хотел власти. А потому, что хотел покоя. Он думал: если я найду формулу, я пойму, почему умер дед. Почему умерла мать. Почему умерла жена. Почему всё, что я люблю, — умирает. И тогда я перестану бояться.

Он не нашёл формулу. Но нашёл другое. Он нашёл страх. И передал его сыну. Не словами. Молчанием. Он никогда не говорил Максу: «Я боюсь». Он говорил: «Считай. Считай, пока не найдёшь. Потому что если не найдёшь — ты никто. Если не найдёшь — ты умрёшь, как все. Как твой дед. Как моя мать. Как твоя мать».

Мать Макса умерла, когда ему было семь. Рак. Быстро. Она лежала в больнице, в Одессе, и просила открыть окно. Ей казалось, что там, за окном, — море. Но моря не было.

Был только двор. И голуби. И она умерла, глядя на голубей. Макс сидел рядом. Держал её за руку. И считал. Считал удары её сердца. Пока они не прекратились. Он запомнил число. 47. Сорок семь ударов. Потом — тишина. Он записал это число в тетрадь. Первое число. Первая формула. Первая смерть.

Отец не плакал. Он сказал: «Теперь ты знаешь. Смерть — это не конец. Это точка перехода. Ты должен найти её. В числах. В себе. В ней».

Макс не понял. Но запомнил. И начал считать. Всё. Всегда. Числа стали его языком. Его защитой. Его тюрьмой.

Отец умер, когда Максу было двадцать пять. В Бруклине. В своей комнате. За столом. С карандашом в руке. Он писал формулу. Последнюю. Макс нашёл его утром. Тело уже остыло. А на бумаге — формула. Простая. До смешного. Но Макс не понял её. Не потому, что она была сложной. А потому, что она была *не математической*. Это было не уравнение. Это было слово.

Одно слово. Написанное на идише. Рукой отца. Дрожащей. Но разборчивой.

«Шма».

Слушай. Слушай. Израиль. Господь Бог наш — Господь один. Это была молитва. Не формула. Молитва. Отец умер, читая «Шма». Он не нашёл формулу. Он нашёл *Бога*. Или НЕЗНАНИЕ. Что одно и то же.

Макс не понял тогда. Он был зол. Он думал: «Ты бросил

меня. Ты умер, не объяснив. Ты оставил меня одного с этой тетрадью, с этими числами, с этой пустотой». Он похоронил отца. И поклялся: «Я найду формулу. Я закончу то, что ты не смог. И тогда я пойму. И тогда я успокоюсь».

Он не успокоился. Он стал одержимым. Он начал торговать. Сначала — акциями. Потом — фьючерсами. Потом — валютой. Он искал закономерность. Он верил, что рынок — это не хаос. Это язык. Язык отца. Язык деда. Язык Бога. И если он выучит этот язык — он сможет говорить с мёртвыми.

Он женился. На женщине по имени Анна. Она была искусствоведом. Она любила тишину. Она не понимала его чисел. Но она любила его. По-настоящему. Так, как умеют любить только те, кто не боится. Она говорила: «Макс, ты не должен считать. Ты должен жить». Он не слышал. Он считал. Даже когда они занимались любовью. Даже когда она плакала. Даже когда она ушла.

Она ушла в 2015 году. В Рим. Она сказала: «Я не могу больше быть с человеком, который любит мёртвых больше, чем живых». Он не стал её удерживать. Он даже не проводил её до аэропорта. Он считал. Он был в точке перехода. Он был близок. Он думал, что ещё немного — и он найдёт. И тогда он позовёт её. И она вернётся. И всё будет как раньше. Или как никогда не было.

Он не нашёл. Он *подключился*. И испугался. Потому что понял: то, к чему он подключился, — не рынок. Не числа. Не Бог. Это что-то другое. Что-то, что не имеет названия. Что-

то, что смотрит на него из монитора. Глазами отца.

Он перестал торговать. Он перестал выходить из дома. Он сидел на полу. И смотрел на стену. И ждал. Восемь дней. Пока не написал слово. **«Отпусти»**.

И тогда он позвонил Анне.

Глава 3. Звонок

Она ответила на третий гудок. Не потому, что ждала. А потому, что не спала. В Риме было утро. Она сидела у окна. Пила кофе. Смотрела на купол Святого Петра. И думала о нём. Не часто. Но сегодня — думала.

— Макс? — сказала она. — Это ты?

Он молчал. Не потому, что не знал, что сказать. А потому, что впервые в жизни не хотел ничего *вычислять*. Он хотел просто *сказать*.

— Я отпустил, — сказал он. — Я больше не считаю. Я еду.

Она помолчала. Долго. Так долго, что он подумал: связь прервалась. Но она была. Она просто *думала*. Не словами. Ощущением. Она чувствовала: он другой. Не тот, что двенадцать лет назад. Не тот, что считал. Не тот, что прятался. Другой.

— Слава Богу, — сказала она. — Я ждала.

— Ты знала?

— Я не знала. Я *чувствовала*. Как что-то, что должно случиться. Я не могла это назвать. Но я знала: ты придёшь. Рано или поздно. Ты всегда приходил. Даже когда уходил.

Он закрыл глаза. И впервые за двенадцать лет — не стал анализировать её слова. Не стал искать скрытый смысл. Он просто *слышал*. Её голос. Живой. Здесь. Сейчас. В паузе. В тишине. В НЕЗНАНИИ.

— Слушай, — сказала она. — Здесь, в Ватикане, есть человек. Русский. Он знает о тебе. Он знает о твоём сне. И он знает о Девяти. Приезжай. Но не говори никому. Даже мне — не всё. Потому что как только ты назовёшь их по имени — они назовут тебя. И тогда ты уже не сможешь вернуться.

— А если я не хочу возвращаться? — спросил Макс.

— Тогда ты уже вернулся, — сказала она. — Туда, откуда пришёл. В НЕЗНАНИЕ. В ИСТОЧНИК. Домой.

Она положила трубку. Макс стоял. Смотрел на тетрадь. И улыбался. Впервые за двенадцать лет.

ЧАСТЬ II. ДОРОГА

Глава 4. Аэропорт Кеннеди

Терминал 4. Ночь. Макс стоит в очереди на регистрацию. Рейс SU 101. Москва — Рим. Через Москву. Он не летал двенадцать лет. Никуда. Он боялся. Не самолётов. Себя. Того, что в самолёте он останется один. Без чисел. Без монитора. Без стены. Наедине с собой.

Но сейчас он стоит. И не считает. Он смотрит на людей. Женщина с ребёнком. Ребёнок плачет. Мужчина в костюме. Говорит по телефону. Старик в инвалидной коляске. Смотрит в никуда. Все куда-то летят. Все что-то ищут. Или бегут. Или возвращаются. Макс не знает, куда он летит. Он знает только, что *надо*. Это не решение. Это зов. Как у отца. Как у деда. Как у всех, кто слышал «Шма».

Он сдаёт багаж. Один чемодан. Внутри — ничего особенного. Одежда. Зубная щётка. И тетрадь. Та, которую он порвал. Он собрал все страницы. И сложил в конверт. Он не знает, зачем. Может быть, чтобы сжечь в Риме. Может быть, чтобы показать Анне. Может быть, чтобы отдать волхву. Может быть, чтобы просто *не оставлять* их дома. Дом — это прошлое. А прошлое он больше не хочет хранить.

Он проходит контроль. Садится в кресло у выхода. Ждёт.

Рядом садится женщина. Лет сорока. Тёмные волосы. Глаза — серые. Спокойные. Она достаёт книгу. Открывает. Макс краем глаза видит название. «Тайная доктрина». Блаватская. Он вздрагивает. Женщина замечает. Улыбается. Говорит:

— Вы тоже её читали?

Макс качает головой.

— Нет. Но я слышал. Это... про Девять Неизвестных?

Женщина смотрит на него. Долго. Внимательно. Потом закрывает книгу. И говорит тихо:

— Не здесь. В самолёте. Место 14А. Я расскажу. Но сначала — вы должны кое-что сделать.

— Что?

— Перестать считать. Я вижу, как вы смотрите на табло. Вы считаете минуты. Секунды. Удары сердца. Перестаньте. Просто дышите.

Макс смотрит на неё. И чувствует: она знает. Не про него. Про *всё*. Про Девять Неизвестных. Про НЕЗНАНИЕ. Про отца. Он не спрашивает, откуда она знает. Он просто кивает. И впервые за двенадцать лет — не смотрит на часы.

Глава 5. Самолёт

Место 14А. Макс у окна. Женщина рядом. Она говорит:

— Меня зовут Вера. Я не случайно здесь. Я летела из Нью-Йорка в Москву. Но когда увидела вас — поняла: мне нужно в Рим. Я поменяла билет. Потому что вы — тот, кого мы ждали.

— Кто «мы»?

— Те, кто знает. Те, кто помнит. Те, кто не пишет книг. Мы не школа. Мы не орден. Мы — *пауза*. Мы — то, что между словами. Мы — те, кто отпустил. Девять Неизвестных — это не люди. Это *состояния*. Это девять способов перейти в НЕЗНАНИЕ. И вы уже прошли первый. Вы порвали тетрадь.

Макс молчит. Самолёт взлетает. Он смотрит в окно. Нью-Йорк исчезает. Внизу — облака. Он думает: «Я лечу. Я не считаю. Я не знаю, что будет. И мне не страшно. Впервые — не страшно».

Вера продолжает:

— Блаватская знала о них. Но она не всё сказала. Она боялась. Она знала: как только назовёшь их — они назовут тебя. И тогда ты уже не сможешь жить как раньше. Рерихи знали больше. Но они говорили загадками. Потому что прямое знание — убивает. Не тело. Ум. Ты должен быть готов. Ты готов?

— Не знаю, — говорит Макс. — Я просто устал считать.

Я просто хочу... быть.

— Это и есть готовность, — говорит Вера. — Не знать. Не быть уверенным. Просто хотеть. Просто идти. Девятый Известный — это тот, кто не знает. И знает, что не знает. И это — высшее знание. Потому что оно живое. Оно не фиксировано. Оно — поток. ИСТОЧНИК.

Макс закрывает глаза. Засыпает. И видит сон.

Сон в самолёте

Он стоит в белой комнате. Без окон. В центре — монитор. На мониторе — старик. Тот же. Похожий на отца. Но теперь Макс видит: это не отец. Это *он сам*. Старый. Седой. С глазами, которые видели всё. И ничего не держат.

Старик говорит:

— Ты пришёл. Хорошо. Теперь слушай. Девять Известных — это не тайна. Это *приглашение*. Каждый, кто ищет — находит. Но не то, что искал. Он находит *себя*. И тогда он становится одним из Девяти. Не потому, что его выбрали. А потому, что он *отпустил*. Ты отпустил. Ты порвал тетрадь. Ты летишь в Рим. Но Рим — это только точка на карте. Настоящий Рим — внутри. Там, где ты встретишь Анну. Там, где ты встретишь волхва. Там, где ты встретишь *меня*. Не отца. Себя. Старого. Мудрого. Того, кто перешёл. Ты готов?

— Да, — говорит Макс.

— Тогда проснись. И запомни: как только ты назовёшь Девятерых — они назовут тебя. Как только ты войдёшь в Ва-

тикан — ты уже не выйдешь. Как только ты увидишь Анну — ты увидишь всё. Но не бойся. Страх — это число. А ты больше не считаешь.

Макс просыпается. Самолёт идёт на посадку. Вера смотрит на него. Улыбается. Говорит:

— Ты видел его?

— Да.

— Это был ты?

— Да.

— Хорошо. Теперь ты готов. В Риме тебя встретят. Не я. Другой. Его зовут... впрочем, он сам скажет. Или не скажет. Это неважно. Важно, что ты — один из нас. Добро пожаловать в НЕЗНАНИЕ.

Глава 6. И-цзин и майя

Вера достаёт блокнот. Открывает. На странице — два рисунка. Слева — китайские триграммы. Справа — майянские печати. Она говорит:

— И-цзин и календарь майя — это не два откровения. Это одно. Разделённое океаном. Но соединённое *смыслом*. Китайцы считали время циклами. 64 гексаграммы. 64 состояния. 64 врат. Майя считали время циклами. 13 тонов. 20 печатей. 260 дней. 52 года. Круг, который замыкается. Круг, который *отпускает*.

— Как они связаны? — спрашивает Макс.

— Числами. Не теми, что ты считал. Другими. *Живыми*. 64 и 260. 64 — это 8 на 8. 260 — это 13 на 20. Но и то, и другое — делится на 4. И то, и другое — имеет центр. И то, и другое — говорит об одном: время — это не линия. Время — это *спираль*. Ты не идёшь вперёд. Ты возвращаешься. Но на другом уровне. Каждый цикл — это смерть. И рождение. Переход. НЕЗНАНИЕ.

— Кто это понял?

— Многие. Но не все сказали. Блаватская знала. Она писала о «Тайной доктрине». О циклах. О расах. О переходе. Но она не сказала главного. Она боялась. Рерихи знали больше. Они говорили о «Шамбале». О «Агни-йоге». О «психической энергии». Но они тоже не сказали всего. Потому что

всё сказать — нельзя. Можно только *быть*. Только *жить*. Только *перейти*.

— А майя? Они знали?

— Майя знали. Они знали, что календарь — это не система счёта. Это *система освобождения*. Каждый день — это возможность. Каждый цикл — это шанс. Каждый конец — это начало. Они не боялись конца. Они *ждали* его. Потому что конец — это переход. А переход — это НЕЗНАНИЕ. А НЕЗНАНИЕ — это дом.

— Что это значит для меня? Для Анны?

— Это значит, что вы — не случайны. Ваша встреча — не случайна. Ваша любовь — не случайна. Ваш путь — не случаен. Вы — часть цикла. Часть спирали. Часть перехода. Вы — те, кто должен *замкнуть круг*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.